

и так же она знаменует собой конец целой фазы в ее «эпохе развития». Как ни значительно это событие у Бунина, у Толстого оно несоизмеримо важнее, ибо это смерть матери. Тем не менее если в «Жизни Арсеньева» эпизод смерти Писарева имеет единственный смысл — потрясение от самого феномена смерти, то в «Детстве» все погружено в гораздо более широкий контекст: сильнейшего непосредственного горя (так и называется глава), моральной проблематики (мотив тщеславия), психологических откровений (многослойности человеческой психики) и многого другого. Толстой тоже не отказывается от физиологических подробностей: Николенька сначала видит «бледно-желтоватый, прозрачный предмет», затем замечает «на одной щеке черноватое пятно под прозрачной кожей» и то, что «глаза так впали», и, наконец, чувствует «сильный, тяжелый запах» (1, 84). Но тот чисто животный ужас, который вызывает у живого существа смерть, Толстой не *изображает* и, следовательно, не вызывает в своем читателе. Он переключается с прямого изображения на повествование, говоря об ужасе крестьянской девочки, кричавшей «страшным неистовым голосом» (1, 87). Таким образом, все сказано, но соблюдена та мера, при которой автор не «заражает» читателя эмоциями, выходящими за пределы своей художественной задачи.

Художественная же задача Бунина, осуществляемая путем *прямого изображения* всех подробностей, видимо, заключалась в том, чтобы потрясти все существо читателя до последних глубин — и его души, и его биологических инстинктов. Возникает парадокс: стремясь представить эти полярные состояния бытия как равноправные (по типу модели инь — ян), Бунин создает образы жизни и смерти и *одинаковым художественным способом*. А именно тем самым это равноправие нарушает. Поэтому в картинах жизни—смерти обретает слишком большую силу смерть: выступая вперед, она часто либо заслоняет, либо отравляет собой жизнь.

Противоречия в подходе к концам вообще и к смерти в частности у Бунина неразрешимы. Однако они стремятся к своему разрешению в феномене памяти. Ибо что такое Память? С одной стороны, это фиксация конца: память включается только тогда, когда в реальности что-то закончилось. Но с другой, — это и преодоление конца: то, что закончилось в реальности, продолжает жить в памяти. Закрепление и преодоление. Так в самом феномене памяти заключено «есть конец» и «нет конца». В этом одно из возможных объяснений того, что Память — это предельно значимая доминанта художественного мира Бунина.